

Лидия Чарская

Счастливчик

Лидия Алексеевна Чарская

Счастливчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634885

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Только восьмой час утра, но в гостиной целое заседание. Впрочем, в эту ночь почти никто не спал от томительного ожидания. Сегодняшнее утро очень важное. Сегодня Счастливчика отправляют в гимназию в первый раз. Собственно говоря, прошла уже целая неделя со дня молебна в гимназии, целая неделя уроков. Мальчики, поступившие вместе со Счастливчиком, уже целые семь дней посещали классы, но Кира едет туда сегодня впервые.

Содержание

ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	12
ГЛАВА IV	17
ГЛАВА V	19
ГЛАВА VI	23
ГЛАВА VII	31
ГЛАВА VIII	35
ГЛАВА IX	43
ГЛАВА X	47
ГЛАВА XI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лидия Алексеевна Чарская

Счастличик

ГЛАВА I

Утро. Синие шторы спущены в детской, но шаловливый солнечный луч нашел скважинку между занавеской и оконной рамой и проник в комнату, освещая уютную, красивую белую кроватку, голубое стеганое атласное одеяло и белокурую, с длинными растрепанными кудрями, головку спящего мальчика.

Между стеклом и шторой на окне шевелится кто-то. Слышится усиленная возня, постукивание и шелест.

Наконец этот «кто-то», таинственный и незримый, кричит голосом, не допускающим возражений:

– Бонжур! Пора вставать, Счастличик! Пора вставать!

Белокурая головка в голубовато-белой кроватке приподнимается. Большие черные глаза то недоуменно таращатся, то жмурятся от солнечного луча.

– Бонжур! Пора вставать, Счастличик! – еще раз кричит тот, невидимый, у окна.

Мальчик сладко зевает, потягивается и садится на постели.

Мальчик этот очень хорошенький и изящный. Он весь то-

ненький и хрупкий, с бледным, точно фарфоровым личиком, черноглазый, с льяными кудрями, с правильными чертами и алым, как вишня, ротиком. Ему девять лет, но кажется он значительно меньше.

Счастличик – крошечного роста, и все принимают его за семилетнего. Совсем, однако, напрасно: он умен, как взрослый. Это говорят все: и бабушка, и няня, и Ляля, и monsieur Диро, и Мик-Мик.

Только что Счастличик спустил с постели голенькие ножонки, как за дверями слышится голос:

– Можно войти?

Счастличик подбирает тотчас свои ноги под себя и садится, как турецкий паша, посреди своей нарядной кровати.

За шторой на окне слышится возня. Кто-то тревожно мечется там и свистит: «Фю-фю-фю».

– Войдите! – кричит Счастличик. – Мик-Мик, это Вы?

Дверь широко распахивается. На пороге появляется высокий студент в тужурке, со смеющимися, серыми, весело прищуренными глазами и маленькой серой бородой.

Счастличик не ошибся. Это Мик-Мик, собственно говоря, Михаил Михайлович Мирский, репетитор Счастличика и дальний родственник, весь последний год готовивший мальчика в гимназию в первый класс. Счастличик еще совсем маленьким мальчиком, когда он не умел хорошо говорить, прозвал Михаила Михайловича «Мик-Мик» и с тех

пор его так и называет постоянно.

– Как, еще в постели! Но сегодня экзамен! – с деланным ужасом восклицает Мик-Мик и состраивает такую страшную физиономию, какая, по всей вероятности, была у серого волка, когда он намеревался проглотить Красную Шапочку в сказке.

– Кира, безбожник вы этакий, ведь на экзамен опоздаете! Вот постойте, я вас!

Мик-Мик бросается к голубовато-белой постельке, хватается Счастливого за руки и вертится с ним по комнате, высоко держа мальчика над головой.

– Сегодня экзамен! Экзамен, экзамен! – припевает он на мотив песенки «Жил-был у бабушки серенький козлик».

Счастливчик хохочет. Ему весело, забавно, но немножко холодно.

– Милый Мик-Мик, пустите меня!

– Я спущу вас, Счастливчик, лишь только вы скажете мне, что такое за зверь имя существительное?

– Это название предмета, – не сморгнув отвечает мальчик, хохоча до слез.

– А глагол? Что за козявка божья глагол, Счастливчик?

– Глагол означает действие предмета! – снова получается между двумя взрывами смеха веселый ответ Счастливого.

– Тра-ля-ля! Вы молодец, Счастливчик, и получаете свободу...

И в одно мгновение ока мальчик высоко вскинут на воз-

дух и водворен обратно в постель.

За шторой усугубляется возня, и отчаянный голос пронзительно вопит на всю спальню:

– Желая вам доброго утра! Бонжур!

– Ха, ха, ха, ха! Ах, Коко, бедняжка! Надо его освободить.

В одну секунду Мик-Мик уже у окна. Синяя штора поднята, и белая волна солнца и света вливается в комнату.

На окне висит большая клетка. В ней зеленый попугай с розовой головкой. Он чистит лапку клювом и поет картавым птичьим голосом:

Я умен,
Ты умен,
Умники мы оба!

– Нет, уж ты меня извини, попка, а ты вполне законченный дуралей, – смеется Мик, просовывая и тотчас выдергивая указательный палец между прутьями клетки.

Коко сердится и свистит. Он всегда свистит в таких случаях. Потом, как ни в чем не бывало, затягивает снова:

Я умен,
Ты умен,
Умники мы оба!

И ни с того ни с сего прибавляет совсем уже ни к селу ни к городу:

– Попочка любит винегрет!

Мик-Мик и Счастливчик заливчато хохочут.

ГЛАВА II

– Еще в постельке! Ай, ай, ай, как нехорошо! Небось Михаил Михайлович уже пришли, чтобы приготовить тебя, Счастливчик, к экзамену, а ты еще в постельке!

Старая, рыхлая, простодушная, как и все русские няни, Степановна проникает в детскую и укоризненно качает се-дою, как лунь, головою в ослепительно белом чепчике.

Коко, который за этот именно белый чепец да еще за упорное нежелание давать ему сахар недолюбливает няню, при появлении ее заливается отчаянным криком:

– Ступай прочь! Ступай прочь!

Этой фразе выучил Коко молодой лакей Франц, который тоже не любит няню, не любит за то, что она держит себя, по его выражению, «превыше барыни».

При неожиданном крике Коко няня вздрагивает, пугается, потом начинает сердиться.

– Тьфу, пропасть! – ворчит она. – Глупая птица! Постой, я вот тебя!..

– Я вот тебя! – как эхо, крикливо вторит ей попугай.

Счастливчик с Мик-Миком хохочут. Няня начинает сердиться уже самым серьезным образом.

– Барыня вас спрашивали, батюшка мой, – обиженным голосом обращается она к студенту. – Благоволите пройти в столовую.

– Хорошо, я сейчас «благоволю пройти» в столовую, – отвечает смеясь Мик-Мик, – а вы, старушка божья, не извольте себе ради глупой птицы кровь портить. Ведь Коко безвредная штучка.

– Коко безвредная штучка! – покорно соглашается попугай.

Мирский вышел. Няня принялась за мальчика. Началось утреннее одевание, обмывание, расчесывание длинных и мягких, как паутина, белокурых кудрей Счастливого.

Обтерев все тело мальчика губкой, смоченной в туалетном уксусе, няня надела, прежде всего, Кире фланелевый набедренник на животик, тонкую шелковую фуфайку, теплые егоровские носочки на ноги, а поверх их – длинные, выше колен, шелковые черные чулки и высокие, из желтой кожи, на четырнадцать пуговиц, сапожки. Потом, за мраморным, маленьким, как игрушка, умывальником, собственноручно намылила ему руки, уши, обтерла губкой лицо, вычистила ногти и зубы и, наконец, надела на Киру дорогой бархатный с кружевным белым воротником и манжетами, прелестный костюмчик.

Тщательно умытый, причесанный и нарядный, со своими длинными локонами, обрамляющими, как в раме, тонкое, красивое личико, весь в бархате и кружевах, Счастливчик казался теперь чудесной, дорогой французской куклой или, вернее, маленьким принцем из волшебной сказки.

– Молись Богу, мой батюшка, чтобы на экзамене какой

прорухи не вышло! – наставительно проронила няня и, опустившись на колени перед киотом с мерцающей лампадкой, зашептала блеклыми, старческими губами:

– Господи, помоги отроку твоему Кириллу! Заступница, царица небесная, умудри младенца своего!

И Кира молился тоже.

Обычно неугомонный Коко притих в своей клетке и, свернув набок свою зеленовато-розовую головку, усердно наблюдал коленопреклоненные фигуры мальчика и старухи.

ГЛАВА III

Когда Кира вошел в столовую, вся семья была уже в сборе. Пили чай за большим столом.

На главном месте, в кресле, сидит бабушка.

Она еще издали протягивает руки своему любимцу. Ее милое, доброе, красивое, все излученное мелким сиянием морщинок, лицо и большие серые глаза улыбаются Кире.

В своем обычном черном шелковом платье, с черной же шелковой кружевной косынкой на седых, как серебро блестящих, волосах, маленькая, изящная Валентина Павловна Раева удивительно похожа на изображение маркиз на старинных французских картинах. Счастливчик весь в нее, вылитый портрет.

Тут же, за столом, сидит одиннадцатилетняя Симочка, бабушкина воспитанница, взятая с трехлетнего возраста в дом Раевых бедная сирота. Симочка скромно потупила глаза и всеми силами старается скрыть огромное чайное пятно, сделанное ею на чистой, только что постланной скатерти.

Симочка – маленькое, лукавое, вертлявое существо. Любит сладкое и интересные сказки. Часто говорит неправду и когда солжет, то всегда ее светлые глазки принимают беспокойное выражение.

Симочка некрасива. Личико птички: остренькое, с маленьким носом-пуговкой и массой веснушек. На белоку-

ро-рыжеватых, двухцветных волосах голубенькая круглая гребенка. Волосы коротенькие и из-под гребенки стоят на темени торчком. Рожица лукаво-шаловливая, старающаяся казаться скромной.

Против Симочки за столом сидит Ляля.

Ляле, родной сестре Киры, четырнадцать лет. Она калека. Ходит на костылях с четырехлетнего возраста. До четырех лет она не ходила совсем. Доктора говорят, что болезнь Ляли пройдет с годами, а пока ее усиленно лечат, возят на юг и за границу и мучают всякими втираниями, ваннами и душами.

У Ляли красивое тонкое личико, такое же, как и у Киры и бабушки, только черные большие глаза Ляли всегда печальны, а тонкие бледные губки смеются редко. Около Ляли гувернантка – Аврора Васильевна, строгая, суровая ко всему миру, но бесконечно добрая и мягкая к одной Ляле, которую она обожает. Аврора Васильевна – худая, высокая, как жердь, особа, гладко причесанная, в строгого фасона суконном платье, без малейшего украшения, бантика, кружевца.

С другой стороны Ляли поместился monsieur Диро, воспитатель Счастливчика. Monsieur Диро – француз из Парижа, говорит плохо по-русски и как родного сына любит и балует Киру, воспитание которого ему поручено с пяти лет. Он же дает уроки Ляле и Симочке по французскому языку и рисованию, а в свободное от занятий время пишет масляными красками картины.

Мик-Мик – его враг. Monsieur Диро никак не может про-

стить студенту, что он отнял от него совсем за этот последний год Счастливлчика, и часто жалуется, что с тех пор, как Мирский приходит ежедневно заниматься с Кирой, мальчик как будто чуточку охладел к своему старому другу, к своему Ами, как Счастливлчик, а за ним и все в доме прозвали старого француза.

У monsieur Диро короткие, пегие от сильно пробивающейся седины волосы, небольшая бородка, седые усы, добродушнейшее в мире лицо и мягкая улыбка.

Сейчас Ами усиленно спорит о чем-то на своем ломаном французско-русском наречии с Мирским. Лицо сердито-недовольное, седые брови сжаты. В глазах огоньки.

Но вот входит Счастливлчик и останавливается на пороге.

– Доброго утра, Счастливлчик!

Голос бабушки, нежный, грудной, ласковый, так и льется прямо в душу.

– Как спал, дитя? Не болит ли что? Может быть, ночь беспокойно спалось в ожидании экзамена?

Глаза бабушки близоруко щурятся и сияют. Счастливлчик целует почтительно бабушке руку.

– О, не беспокойся, милая, милая бабушка! Я совсем не боюсь экзамена, ну ни чуточки не боюсь! – своим звонким голоском отзывается Счастливлчик.

– Еще бы он боялся! Да если бы вы труса праздновали при вашей подготовке, Кирилл Кириллович, я бы и знать вас не захотел! – отзывается с конца стола Мик-Мик таким страш-

ным необычайным басом, что Симочка взвизгивает от восторга и, сделав резкое движение, окончательно разливает чай на скатерть.

Аврора Васильевна значительно вскидывает глазами в ее сторону и грозит пальцем. Пятно получается огромное – не пятно, а целая лужа, которая и размазывается дальше и дальше настоящим озером по столу. Симочка, красная как рак, потупляет глазки и бросает испуганный взгляд на бабушку. Но бабушка занята Счастливым. Надо ему налить какао, не забыть предварительно заставить принять Киру ложку какого-то снадобья, которое три раза перед едою, вследствие малокровия, принимает Счастливчик, выбрать булочку, прибавить сахару в его стакан в серебряном дорогом подстаканнике и т. д. Не до Симочки сейчас, не до других.

Впрочем, не одна бабушка сейчас занята исключительно внуком. С той минуты, как в столовую вошел Счастливчик, лица всех засияли и растянулись в довольные улыбки. Просиял Ами, просияла печальная Ляля, просиял молодой щеголь-лакей Франц, стремительно подставляя маленькому барчонку его удобный, нарочно заказанный для него бабушкой, стул с высоко прилаженным сидением. Даже по обычно холодному, строгому лицу Авроры Васильевны проползло нечто похожее на улыбку, а лукавые, теперь несколько смущенные глазки Симочки заискрились и заблестели, как звезды. Счастливого целовали, обнимали, пожимали его крошечную, миниатюрную ручку, невольно любуясь при этом

его изящной фигуркой в бархатном наряде, с большим воротником.

Счастливичик важно восседал на высоком стуле, пил какао, кушал сдобные крендельки и булочки и, с видом взрослого, ужасно серьезного человека, слушал, как вести себя в гимназии во время экзаменов, слушал последние наставления, даваемые ему Мик-Миком.

Он не боялся предстоящих испытаний ни капли. Счастливичик не боялся уже потому, что все то, что полагалось знать для ученика первого класса, мальчик, благодаря стараниям своего учителя, знал на славу. И потом, с самых ранних лет Кира привык верить, что все вокруг него было точно создано для его радостей, все ему удавалось как нельзя лучше, все шло гладко и ровно, как по маслу, и что он был настоящий Счастливичик и баловень семьи. Так неужели же судьба теперь изменит Счастливичику, и он не выдержит экзамена?!

ГЛАВА IV

– Андрон, подавай!

Щеголеватый Франц с быстротою мальчика выскочил с лестницы и молодцеватым жестом отстегнул кожаный фар-тук коляски.

– Пожалуйте!

Сначала в коляску села бабушка. Подле нее поместился Счастливчик в красивом летнем плаще и мягкой широко-полой панаме-шляпе, придававшей ему еще больше сходства с хорошеньким, маленьким принцем. На крыльце стояли Мик-Мик, Ами и няня.

Няня крестила Счастливчика, шепча молитву. Мик-Мик кричал весело:

– Смотрите же, Кира, не спутайте, сколько семью девять... Да в диктовке будьте повнимательнее! У вас насчет буквы «ять» не больно-то щедро бывает... Если на пятерках не выедете, берегитесь возвращаться, Счастливчик! Живым проглочу!

А Ами кричал в свою очередь по-французски:

– Смелее! Смелее, мой мальчик!

И все трое улыбались и кивали.

Мик-Мик должен был тоже ехать в гимназию, и для того, чтобы узнать об участии экзаменов Киры, и для того, чтобы переговорить, если понадобится, с директором гимназии, а

главным образом – с целью поддержать своим присутствием бодрость духа в Счастливишке.

Бабушка и внучек поехали в гимназию в «собственной» шикарной коляске. Мик-Мик идет туда сначала пешком, потом садится в электрический трамвай и едет.

Раевы живут далеко от гимназии, которая находится в самом центре города. У бабушки собственный дом, большой, белый, двухэтажный, окруженный тенистым садом, точно маленькое имение, с качелями, площадкой лаун-тенниса и крокета. Когда Счастливичик выдержит экзамен и поступит в гимназию, monsieur Диро будет отвозить его туда ежедневно. Бабушка уже решила это. В более близкую гимназию она ни за что не отдаст своего любимца потому, что там воспитываются дети дворников, сапожников, мелких торговцев. В той же, куда они едут сейчас, учатся почти исключительно дети из более изысканного общества. Бабушка уже давно, прежде чем поступить туда Кире, тщательно навела об этом справки, опасаясь, как бы Счастливичик не заразился дурными манерами среди плохо воспитанных детей. Бабушка думает и сейчас об этом. А гнедой Разгуляй то и дело набавляет ходу под опытной рукой кучера Андрона. И Андрон, и Разгуляй, очевидно, понимают всю торжественность минуты: маленький барин едет держать экзамен. А вы думаете, это легкая штука, экзамен?

ГЛАВА V

– Боже ты мой, какой маленький! Сколько же ему лет?

Человек в синем вицмундире, с блестящими пуговицами и бархатным воротником, смотрит сквозь золотое пенсне сначала на бабушку, потом на крошечную фигурку Счастличика, всю утонувшую в бархате, кружевах и кудрях.

Бабушка смущена. В самом деле, Счастличик такой маленький, худенький и хрупкий, что кажется семилетним.

– Ему уже девять лет! – говорит бабушка инспектору, так как человек в синем вицмундире с блестящими пуговицами – инспектор той гимназии, куда поступает Кира.

– Фамилия? – кратко осведомляется еще раз инспектор.

– Кирилл Раев, – говорит бабушка, немного испуганная его строго деловым тоном.

– Потрудитесь пройти в общую приемную, – снова роняет деловой человек и устремляется куда-то в дверь, наскоро сделав заметку в своей записной книжке.

У него такое серьезное, сосредоточенное лицо и нахмуренные брови, показавшиеся Кире сердитыми, что мальчик рад, когда сердитый синий человек оставил их в покое.

Чуть-чуть волнуясь, Валентина Павловна прошла с внуком в коридор, который ведет в приемную.

О, сколько народа! Какой шум от многих голосов! И мальчики, мальчики, мальчики без конца. Столько мальчиков

вместе Кира еще не видел за всю свою маленькую жизнь.

– Все они пришли экзаменоваться? – шепотом осведомляется у бабушки Счастливчик.

– Да, да, милый! – получается такой же тихий ответ.

Счастливчик останавливается посреди комнаты. Его большие, черные, теперь серьезные глаза оглядывают присутствующих внимательным, зорким взглядом. Личико его сосредоточено. Белокурые локоны падают на лоб.

Какой красавчик! Точно картинка! А какой малюсенький! – слышатся подавленные возгласы восторга и изумления вокруг него.

Родители и дети, находящиеся в приемной, заняты все исключительно созерцанием очаровательного ребенка.

Но Счастливчик равнодушно относится к похвалам. Еще бы! Он так привык с детства, чтобы им восхищались. Зато по лицу бабушки проходит довольная улыбка. Бабушка очень любит, когда хвалят ее любимца. Вдруг один мальчик, стоявший подле бедно одетой, худощавой женщины, скромно приютившейся в углу, пристально взглянул на Счастливчика и громко на всю комнату крикнул, нимало не стесняясь:

– Вот так штука! Ни мальчик, ни девчонка, а точно кукла в шляпе! Мама, погляди!

Бедно одетая женщина испуганно зашикала на сына и замахала руками, багрово краснея и смущенно оглядываясь на соседей.

– Что ты, Ванюшка, что ты! Разве можно так!

Бабушка повела на дерзкого мальчика молниеносным взором и процедила недовольным тоном, тоже слегка краснея и строго поджимая губы:

– Какой дурно воспитанный мальчик!

Но «дурно воспитанный» мальчик, как говорится, глазом не повел на замечание бабушки. Он продолжал внимательно и зорко, как невиданного зверька, осматривать Счастли-чика и тихо хихикал, закрыв себе рот кулаком. Его серые небольшие глазки так и искрились. Кира тоже в свою очередь внимательно смотрел на мальчика. Здоровый, широкоплечий, плотный, с коротко остриженной головой, с румянцем во всю щеку, он представлял из себя завидный тип маленького богатыря. А костюм у краснощекого, так и пышущего силой и здоровьем «богатыря» был совсем простой, бедный: черная, довольно поношенная, хотя и чистая курточка, простенькие штаны, ременный пояс и высокие сапоги в заплатках. Эти заплатанные сапоги начинали заметно беспокоить бабушку.

– Вот вам и первоклассная гимназия! – мысленно изводилась Валентина Павловна. – Думала, что здесь все дети зажиточных родителей, и вдруг оказывается, что и мужиков сюда водят экзаменоваться!

Волнению Валентины Павловны, однако, суждено было скоро принять иное направление. Открылась стеклянная дверь в соседнюю комнату. На пороге ее очутился знакомый уже человек в синем вицмундире.

– Прошу детей выстроиться в пары и идти в зал!

Бабушка заволновалась сильнее.

– Идти в зал, а Мик-Мик еще нет!

Но вот на пороге приемной вырисовалась стройная фигура студента в серой тужурке.

– Вот и я! Не опоздал?

Мирский не один. С ним высокий, полный господин в таком же синем вицмундире, как и у инспектора. И пуговицы такие же, блестящие, золотые. Только лицо другое: доброе, веселое, смеющееся.

– Это преподаватель математики! – говорит Мик-Мик, целуя руку бабушки. – Зовут его Владимир Александрович Аристов.

– Батюшки мои! Это еще что за прелесть! – раздражается восхищенным басом представленный учитель, глядя на Киру. И, едва успев пожать руку бабушки, он берет за руку Счастливику и идет с ним впереди правильно выстроенной по два в ряд шеренги мальчиков, прямо в зал.

ГЛАВА VI

Какой он был, этот зал, большой и светлый! Окна, окна, без конца. Солнце так и заливает огромную белую комнату. Паркетный пол гладок, как зеркало. В переднем углу образ Спасителя, благословляющего детей. Перед ним стол, покрытый зеленым сукном, стулья вокруг, а по всему залу расставлены ученические столики и скамейки.

За зеленым столом целое общество. Счастливчику хорошо видны чужие, незнакомые мужчины в синих сюртуках с блестящими пуговицами. У одного из них на груди надето что-то вроде звезды, у других ордена или знаки – Кира не может разобрать хорошенько. В конце стола сидит пожилой священник в лиловой рясе. Золотой крест на цепочке горит и искрится на солнце сотнями лучей. Лицо у священника худощавое, строгое, с узкой седенькой бородкой.

Мальчиков, вошедших в зал, тотчас же рассадили по скамейкам. На столах перед ними уже заранее положены чистые листы бумаги для диктовки и вставочки с перьями. Чернильницы неподвижные, вделаны в столы.

Владимир Александрович Аристов подвел Счастливчика к первой скамейке, стоявшей по соседству с зеленым столом, и посадил.

– Какой красивый ребенок! – сказал господин в синем сюртуке со звездой на груди.

Сказал он это очень тихо окружающим, но так, что Кира услышал его слова.

– Поклонись ему, мой мальчик. Это директор гимназии, – шепнул учитель математики Кире.

Кира встал с места, шаркнул ножкой и склонил голову. Кудри упали ему на лицо.

От стола отошел маленький кругленький человечек в очках.

– Пишите, дети. Я буду вам диктовать, – проговорил он громко каждое слово и стал еще громче нанизывать фразу за фразой, одну за другой, одну за другой: «Летом хорошо в деревне. Все зелено и сочно в лесу. Поют веселые маленькие птички, журчат ручьи, мелькают пестрые мотыльки».

Учитель диктовал, мальчики писали. Счастливчик умел хорошо писать диктовки. Мик-Мик за весь последний год приучал его к этому.

«Только бы не провраться с буквой „ять“, – мысленно подбодрял себя Кира, – а диктовка сама по себе легонькая, пустяки!»

Около Киры сидел худенький, прозрачно-бледный мальчик с синими, ласковыми глазами. Писал он старательно, высунув язык и переводя его то и дело из одного угла рта в другой. Видя, что Кира на него смотрит, мальчик спрятал язык, вспыхнул до ушей, потом покосился снова на Киру и кивнул ему головою:

– Меня зовут Алей Голубиным, – произнес он нежным

детским голосом. – А тебя?

Счастливичик не успел ответить. Маленький человечек в вицмундире кончил диктовать и отбирал листки с написанным.

Начались устные экзамены. Мальчиков вызывали к столу, спрашивали их по русской грамматике, арифметике и Закону Божьему. Заставляли читать по какой-то толстой книге и рассказывать прочитанное своими словами.

Кири́н сосед был вызван одним из первых. Он обдернул курточку и, красный от смущения, подошел к столу. Там уже отвечал стриженный, плохо одетый, краснощекий толстяк, назвавший там, в приемной, Счастливичика «куклой». Краснощекий мальчик отвечал прекрасно, отчетливо, громко, уверенно и смело поглядывал на всех своими серыми, смеющимися глазами.

– Хорошо, очень хорошо! – одобряли его сидевшие за столом директор, инспектор, батюшка и учителя.

Потом краснощекий прочел по желанию учителя басню «Зеркало и обезьяна», прочел такими ужимками и забавным выражением, что все за столом невольно рассмеялись.

И мальчики смеялись тоже. Уж очень забавным казался краснощекий.

– Раев! – услышал наконец Счастливичик свою фамилию и затем еще две другие, и три названные мальчика очутились перед зеленым столом.

– Твое имя? – обратился директор к Кире.

– Счастливчик.

За зеленым столом рассмеялись решительно все.

Учитель математики подхватил Киру и усадил его к себе на колени.

– Ну-с, маленький Счастливчик, скажи-ка нам, сколько будет шестью семь?

– Сорок два! – подумав секунду, отвечал Кира, потрянув головою по привычке.

– А восемью девять?

– А пятью восемь?

– У одного мужика было шесть десятков яблок, у другого на тридцать пять штук меньше; сколько было у обоих?

Счастливчик решил, сколько было у обоих, и поделился своим решением с учителем. Тот назвал его молодцом, погладил по головке и отправил экзаменоваться к батюшке. Священник взглянул сначала очень строго через очки на нарядного, в бархате и кружевах, с длинными кудрями мальчика, но, встретив ясный, открытый взгляд больших, серьезных и сосредоточенных глазёнок, сразу смягчился.

– Что ты знаешь о сотворении мира, малыш? – спросил он Киру.

– Господь Бог, по своей доброте, в шесть дней из ничего сотворил все, чем мы любимся. По одному его слову явилась земля и солнце и все, все в мире, – стал рассказывать Счастливчик.

...Потом «толстеный», учитель грамматики, забрасыва-

ет Счастливого целым градом вопросов:

– Что такое имя существительное? Прилагательное? Глагол? Наречие?

Счастливчик все это знает и отвечает прекрасно. Вот только наречие... Что это такое? Для него, Счастливого, это совсем, совсем чужое, незнакомое слово. О наречии он еще ничего не слышал.

– Мик-Мик мне о наречии ничего не говорил, и я не знаю, что это такое! – откровенно признается учителю Счастливчик и широко раскрывает от недоумения свои, и без того огромные, глаза.

За зеленым столом раздается взрыв веселого смеха.

Счастливчик обводит присутствующих удивленным взглядом. Разве он сказал что-нибудь забавное, что все они так смеются?

– Да сколько же лет этому карапузику? – обращается директор к инспектору, присевшему с ним рядом, так как его прежнее место продолжает быть занято Кириной.

Счастливчик сам, лично, заявляет, что ему с весны стукнуло девять. И опять все смеются добрым, ласковым смехом.

Потом учитель математики берет снова его за руку и ведет в приемную.

– Вот вам ваше сокровище! – говорит он, сдавая Счастливого ожидавшим его с большим нетерпением бабушке и Мирскому. – Поздравляю вас, сударыня. Мальчуган выдержал экзамены на славу. Одним из первых. Одно только: на-

речия не знал, да и то чистосердечно сознался, что Мик-Мик его не учил этому.

– Совершенно верно, не учил, – расхохотался Мирский, – я думал – не надо, так как это не значилось в программе.

– А в диктовке сколько ошибок, Кира? – сразу принимая озабоченный вид, осведомился Мик-Мик.

– Ни одной, насколько я помню! – отвечал за мальчика учитель.

– Ой, да какой же вы молодчинище! Не осрамил! Спасибо! – окончательно развеселился Мик-Мик. – Дайте мне пожать вашу благородную лапку.

Счастливчик дал пожать свою маленькую ручку Мик-Мик, который потряс ее довольно основательно.

– 21-го молебен, а 22-го классы начинаются, – подходя к бабушке, проговорил инспектор, вышедший из зала. – Ваш внук принят, сударыня, в первый класс. Можете заказывать ему форму. Экзамены он сдал прекрасно!

И строгие черты инспектора приняли доброе выражение, а худая рука его ласково потрепала щечку Киры.

О, какую дивною музыкою прозвучали эти слова в ушах Счастливчика!

Ему можно шить форму! Он – гимназист! Довольное лицо Мик-Мика, улыбающееся – инспектора, влажные от слез глаза бабушки – все смешалось. Счастливчик точно сквозь сон помнит, как поздравил его с поступлением в «емназию» с козел с широко ослабившимся лицом кучер Андрон, как

сели бабушка с Мик-Миком в коляску, как он, не чуя себя от радостного возбуждения, поместился между ними, как прямо с места взял Разгуляй, как они помчались по петербургским улицам, сияющие и счастливые, все трое.

Вот и милый, большой, белый бабушкин особняк, тенистый сад, крыльцо, дверь, улыбающийся во весь рот встретивший их Франц, сияющие лица няни, monsieur Диро, Ляли, Симочки.

– Ну, что? Как?

– Выдержал! Выдержал! Прекрасно! – громко заявляет бабушка, и тут же чуть ли не в сотый раз принимается благодарить Мик-Мика.

Потом все бросаются к Кире, целуют, поздравляют его.

– Гимназист! Маленький гимназист! Милый, славный, маленький Счастличик!

За завтраком все сидят с торжественными лицами, точно на именинах. Симочка, уписывая за обе щеки вареники с сахаром, шепчет Кире:

– Приходи в твою детскую, Счастличик, я тебе приготовила за это утро маленький сюрприз.

Сюрприз? Она? Симочка? Скорее, скорее кончайся же, завтрак! У Симочки лукаво-непроницаемая рожица, а глаза так и искрятся.

– Вот увидишь! Вот увидишь! – шепчет она и задорно смеется. – Очень, очень занятный сюрприз!

Окончен завтрак. Дети стремглав летят в детскую, как на

крыльях летят. Симочка влетает первая и прямо к клетке.

– Коко, попочка, кто пришел? – выкрикивает она звонко на всю комнату.

Коко поворачивает голову от чашечки с подсолнухами, которыми он только что наслаждался, раскрывает свой крепкий клюв и очень ясно и толково произносит только что заученную им, очевидно, фразу:

– Гимназист пришел! Гимназист пришел! Здравствуй, гимназист!

– Вот видишь, видишь! Это я ему все утро вдалбливала, – хохочет Симочка и бьет в ладоши, потом ураганом вертится по комнате и визжит от восторга.

Счастливчик сияет. Счастливчик радуется, как майское утро. Это лучший день в жизни Счастливчика! Ах, как славно, как хорошо, как весело жить! А Коко без умолку заливается в клетке:

– Гимназист пришел! Гимназист пришел! Здравствуй, гимназист!

ГЛАВА VII

Только восьмой час утра, но в гостиной целое заседание. Впрочем, в эту ночь почти никто не спал от томительного ожидания. Сегодняшнее утро очень важное утро. Сегодня Счастливику отправляют в гимназию в первый раз. Собственно говоря, прошла уже целая неделя со дня молебна в гимназии, целая неделя уроков. Мальчики, поступившие вместе со Счастливику, уже целые семь дней посещали классы, но Кира едет туда сегодня только впервые.

Как это случилось?

Очень просто. На другой день после молебна в гимназии Кира слегка простудился и схватил насморк. Еще бы, в большом зале на молебне так дуло! Бабушка сразу заметила это и сказала *monsieur* Диро. Но что должен был сделать *monsieur* Диро? Двери постоянно открывались, воспитатели, начальство и дети то и дело входили и выходили в коридор, а из коридора несло холодом, как из погребца или из подземелья. Кира чихнул раз на молебне, раз в швейцарской, когда его одевали, раз по дороге домой в коляске... И этого было достаточно, чтобы бабушка тут же испуганно проговорила:

– Простудился! Боже мой! Вы слышите, он чихает, *monsieur* Диро! Он простудился!

И решила тут же:

– Нет, нет, пока у тебя, Счастливик, не пройдет насморк,

я не пущу тебя в гимназию ни за что.

А дома – постель, горячая малина, хина, скипидар со свиным салом – все это дождем посыпалось на Киру.

Насморк соблаговолил пройти только через неделю, и только через неделю Счастливику удалось собраться в гимназию.

Вот он стоит посреди гостиной, тоненький, стройный, миниатюрный. Новенький гимназический костюм его сделан из тончайшего сукна и на заказ у лучшего портного. Сапоги – черные, изящные – блестят, как зеркало. Ременный пояс, белый воротничок и фуражка в руке. Няня держит пальто наготове, Симочка – новенькие, резиновые калоши, хотя на дворе теплый, сухой, почти жаркий сентябрьский день и в калошах нет никакой надобности.

У всех умиленные лица: у бабушки, у няни, у monsieur Диро. Симочка сияет всей своей плутоватой рожицей и тихонько шепчет, так, чтобы никто не слышал, кроме Киры:

– Гимназист – синяя говядина! Синяя говядина!

Симочка узнала откуда-то, что так гимназистов дразнят из-за синих мундиров.

Звонок в передней. В переднюю стрелой несется Франц.

– Это Михаил Михайлович! – говорят бабушка и няня в один голос.

– Это Мик-Мик! – весело кричит Счастливику.

Действительно, это Мик-Мик. Он входит красный, веселый, смеющийся.

– Надеюсь, я не явился слишком рано?.. Впрочем, вероятно, все на ногах еще со вчерашнего дня?

И вдруг лукавые, сощуренные глаза широко раскрываются при взгляде на Счастливого. На лице Мика появляется самое красноречивое удивление, почти ужас.

– Локоны! Локоны! Локоны! – с испуге роняет Мирский. – О, разве можно быть гимназисту с локонами! – и, схватившись за голову, Мик-Мик раскачивается из стороны в сторону, точно у него страшно разболелись зубы.

– Что? Что такое? – пугается бабушка.

– Кудри-то, кудри вы ему забыли срезать! – продолжает раскачиваться Мик-Мик. – Ведь это не гимназист, а девчонка какая-то, поймите! – выходит он из себя.

– Ну, уж выдумали тоже... Гимназист, конечно, и даже очень хорошенький гимназист! – обижается за Киру бабушка и целует своего любимца.

– Нет, так нельзя идти в гимназию. Товарищи прохода не дадут, прозовут болонкой, левреткой, бараном, – волнуется Мирский, – да и от инспектора влетит Счастливику за такую прическу. Симочка, – живо обращается Мик-Мик к девочке, благоволяете принести из спальни ножницы, отменная девица!

«Отменная девица» «ныряет» куда-то в дверь и стрелой возвращается снова в гостиную.

– Вот вам ножницы, Михаил Михайлович! – говорит она, с обычными плутоватыми огоньками в глазах протягивая

просимое.

– Не дам уродовать Киру, не дам! – вдруг энергично протестует бабушка, как только вооруженная ножницами рука Мик-Мика приближается к белокурой головке Счастливица.

– Понятно, барыня-матушка, не давайте! С какой это радости ребенка портить вздумали! – поддерживает бабушку и няня, кидая сердитый взгляд на студента.

– Оставьте, оставьте! – волнуется на французском языке и monsieur Диро.

Мик-Мик пожимает с досадой плечами.

– Господи, да простится им! Сами не ведают, что творят! – шепчет он, поднимая с комическим видом глаза к небу.

Локоны Киры спасены...

ГЛАВА VIII

– Маленького барина барышня просят... Франц говорит это и улыбается, глядя на Киру сияющими глазами – любит ее им. Франц любит Киру, как и все любят в этом доме милого, ласкового, мягкого Счастливого, решительно все.

– Ступай, ступай к Ляле, дитя. Она не может проводить тебя так рано, она в постели, – и бабушка не в силах удержаться, чтобы не поцеловать еще раз белокурую головку.

Темным, широким коридором, на дальнем конце которого день и ночь светится электрический фонарик, Счастливчик идет к сестре. Вот направо дверь ее комнаты.

Кира останавливается, стучит пальчиком:

– Можно войти?

– Войди, войди, милый, милый Счастливчик!

Ляля лежит в постели, такая худенькая, бледненькая, хрупкая, как белый нежный тепличный цветок. Она спит мало от недостатка движения, как и всякая калека, но встает поздно. День и без того кажется таким длинным для бедняжки, – она ведь почти не может ходить.

Аврора Васильевна, в темном платье, причесанная и одетая с самого раннего утра, точно она вовсе и не ложилась, протягивает Кире худую холодную руку.

– Здравствуйте, голубчик. Вот вы и гимназист и, надеюсь, порадуете нас вашими успехами. Правда?

Аврора Васильевна пожимает Кире тоненькие пальчики, точно взрослому, и выходит из комнаты, улыбнувшись на прощанье своей холодной, спокойной улыбкой.

Ляля и Счастливчик одни.

Девочка садится на постели, протягивает руки. Ее огромные, черные глаза смотрят с минуту восхищенным взглядом.

– О, какой ты красавчик, Счастливчик! Какой красавчик!

Она любуется Кирой, кладет ему на плечи свои тоненькие прозрачные руки. Слезы, как капельки бриллиантов, блещут, переливаясь, в ее темных, как угли, зрачках.

– Милый маленький Кира! Милый маленький гимназистик! Крошечка родной! Если б тебя видели покойные мама с папой! О, как бы они полюбовались тобою! Милый, милый, малюсенький мой!

Она обнимает мальчика. Кира прижимается к ней. На минуту брат и сестра смолкают застыв в тесном, крепком объятии.

Потом Ляля чуть-чуть отстраняет братишку. Ее глаза принимают серьезное, вдумчивое, почти строгое выражение.

– Слушай, Счастливчик, – говорит она серьезным, торжественным голосом. – Мама и папа наши умерли... Но оттуда (тут Ляля подняла свой тоненький пальчик кверху), оттуда они видят все. Ты не огорчишь их никогда, не правда ли, Счастливчик?.. Ты вступаешь в новую жизнь. Помни одно, маленький: никогда не лги, старайся хорошо учиться, помогай другим, чем можешь. Да?

Глаза Ляли загораются близко-близко от глаз Счастли-
вчика.

– Да, обещаю тебе это, – роняет мальчик тихо, но уверенно, и открытым, честным взглядом смотрит на сестру.

– Мама и папа благословили бы тебя сегодня. Я сделаю это за них, – говорит Ляля, – встань на колени, Счастливчик.

Мальчик повинуется. Белокурая головка склоняется к постели сестры. Льяные локоны рассыпаются по одеялу.

– Господи! Помилуй моего брата Киру и помоги ему хорошо учиться и радовать нас! – шепчут бледные губки Ляли.

И она осеяет склоненную головку маленьким образком, только что снятым со стены. Потом образок этот вешает на шею Счастли-
вчика, рядом с золотым крестильным крестом.

– Ну, а теперь с Богом, ступай! До свиданья, Счастливчик! И со слезами на глазах, но со счастливой улыбкой, Ляля в последний раз целует брата.

И то пора...

– Время ехать, Счастливчик! – пискнул знакомый голосок под дверью.

Это Симочка. Ее прислали сюда из гостиной – поторопить нового гимназиста.

– Сейчас! Иду! Иду!

В горле Счастли-
вчика щекочет что-то. Хочется заплакать и целовать еще и еще, бесконечное число раз милую, добрую, кроткую Лялю. А на душе так тихо, радостно и светло-светло, как в праздник Пасхи, совсем, совсем как тогда...

– Сейчас, сейчас!

С сожалением покидает мальчик уютную, славную спальню сестры.

Черные, горящие теперь, как две свечи, большие глаза Ляли провожают Киру любящим взглядом до самой двери.

Под дверью стоит Симочка. Она подглядывала в замочную скважину, что делалось в спальне. Ее глаза так и сверкают любопытством.

– Она тебя благословила! Я видела!.. – уверенным тоном заявляет она.

– Подсматривать очень дурно! – строго говорит Счастливчик и грозит пальцем.

– Вздор! – смеется Симочка. – Ну, бежим скорее. Не то опоздаешь! Бабушка беспокоится – страсть! – и, схватив за руку Счастливчика, она несется с ним по коридору, напевая тихонько:

Вот мчится пара удалая

Вдоль по дорожке столбовой...

Ураганом «удалая пара» врывается в гостиную.

– Счастливчик, можно ли так долго! Ведь опоздаешь! – сыплется на мальчика град упреков.

– Смотрите, Кира, как бы вам за это не сняли вашу кудлатую головку! – хохочет Мирский.

– Сядем, сядем! По русскому обычаю сесть нужно! – вол-

нуется бабушка.

Все садятся. Бабушка с Кирой и Симочкой на диване. Monsieur Диро в кресле рядом, няня на кончике стула у дверей. На другом стуле, тоже на кончике, Франц. Мик-Мик с размаху плюхается на табурет у рояля, открывает крышку инструмента и начинает барабанить на клавишах какой-то чрезвычайно шумный и торжественный марш. Старшие шикают на него и машут руками:

– Разве можно играть в такую серьезную минуту!

Мик-Мик поневоле замолкает, делает круглые страшные глаза по адресу Симочки, которая фыркает от удовольствия, и преважно разваливается в кресле. Проходит минута. Все встают, крестятся на большой образ в углу гостиной. Потом бабушка крестит и целует Киру, точно он едет бог знает куда, на край света, в южную Америку, в гости к индейцам. Няня плачет, а monsieur Диро что-то подозрительно долго сморкается в углу.

Мик-Мик тоже извлекает платок из кармана, закрывает им лицо и начинает всхлипывать на весь дом, причитывая в голос, как деревенская баба:

– Не уезжай, голубчик мой, не покидай поля родные!

Это так смешно, что нельзя не смеяться. И все невольно смеются веселой выдумке. Симочка – громче всех.

Франц исчезает куда-то и через минуту появляется с объемистой корзиной в руках.

– Это еще что такое? – спрашивает Мик-Мик, делая удив-

ленные глаза.

– Завтрак-с!.. – слышится невозмутимый ответ Франца.

– Какой завтрак? – недоумевает Мир-ский. Корзина большая, фунтов на пять; какой и кому может быть туда положен завтрак? Франц поясняет «господину студенту»:

– Барыня приказали уложить для молодого барина завтрак в емназию. Здесь Скобелевские битки в судке с гарниром, в этом углу осетрина под соусом майонез, и еще компот в стакане и груша... А в бутылочке – горячее какао; оно обернуто в вату, чтобы не остыло.

– Ха, ха, ха, ха! – раздражается смехом Мирский, – да что вы меня уморить хотите, что ли? Завтрак из трех блюд в гимназию! Да еще горячее какао! Да когда и где его ваш Кира съест сумеет?

И Мик-Мик буквально падает в кресло от обуявшего его смеха. Бабушка в смущении. Няня в обиде.

И что вы, мой батюшка, и где это видано, чтобы ребенку есть не давали! – ворчит она, кидая недовольные взгляды на студента.

– Да поймите вы, старушка божья, ведь с таким запасом на новую Землю, на необитаемые острова, к голодающим в Индию ехать впору! – горячо протестует Мирский. – Кире бутерброд с телятиной или котлетку холодную довольно взять с собою.

Но тут уже вступается бабушка.

– Всухомятку-то! Чтобы животик заболел! Голодом мо-

рить прикажете его! Слуга покорная, я слишком люблю моего Счастливого! Да и пилюли ему надо принимать перед завтраком. Как же он перед едой всухомятку пилюли принимать станет?

– Франц, – неожиданно приказывает бабушка, – вынеси корзину в пролетку и поставь на козлы в ноги Андрону.

Мик-Мик безнадежно машет рукой, потом оборачивается к Счастливику:

– В добрый час, Кира! Желаю успеха. Помните мои слова: «быть маленьким мужчиной», – и он крепко сжимает щупленькую ручку мальчика. Monsieur Диро берет за руку Киру и ведет на крыльцо. Все провожают мальчика и гувернера.

Бабушка стоит у окна гостиной и машет платком.

– С богом, с богом!

Мик-Мик на крыльце корчит презабавную гримасу. Симочка заливчато смеется. Няня крестит вслед пролетку, на которой уже сидят Счастливчик и обнявший его за талию monsieur Диро. Вдруг остановка. Кричат, машут руками, волнуются на крыльце. Франц стрелой выносятся.

– Пилюли изволили забыть! Барыня приказали, чтобы непременно скушать одну перед завтраком.

– Хорошо, хорошо!

Андрон подбирает вожжи. Разгуляй встряхивается и сразу быстрой иноходью берет от крыльца. Уже на всем ходу протягивает руку Франц и сует Счастливику аптечную баночку с пилюлями, которые он обязательно принимает перед

завтраком и обедом.

Счастливчик приподнимает фуражку, глядит в окно, в котором видна седая голова бабушки, улыбается и кивает головой. – В добрый час, Счастливчик, в добрый час!

ГЛАВА IX

Шум, гвалт, крик, суета...

В первую минуту Счастличик совсем глухнет от этого шума. Глаза его плохо различают, что происходит вокруг... Он только что вошел сюда с классным наставником, переданный ему с рук на руки monsieur Диро. Сам monsieur Диро уехал домой, обещав снова вернуться к двум часам, к концу уроков, а классный наставник повел Счастличика в класс.

В классе точно нашествие неприятеля – такая возня и суматоха. Классный наставник, худенький, тщедушный, болезненного вида, еще молодой человек, с сердитыми глазами, кричит с порога:

– Сейчас молчать! Если не замолчите, буду записывать!

Шум несколько стихает. Но возня продолжается. Мальчишки прыгают по скамейкам, наскоро роются в ранцах, вынимают книги, кладут их на учебные столы... Этих учебных столов в классе очень много. Называются они партами. Кроме парт Счастличик замечает посреди класса большую кафедру для учителя, черные доски, на которых пишут мелом уроки и задачи, глобус в углу, на стенах карты, пол, залитый чернилами, и электрические лампочки с матовыми колпаками, спускающиеся с потолка. В углу висит образ Николая Чудотворца. В другом углу, около большой изразцовой печки, стоит ящик для мусора. В третьем углу – шкаф со стеклян-

ными дверцами и зеленой занавеской, так что не видно, что спрятано в нем.

Счастливец охватывает всю обстановку класса одним взглядом. Потом глаза его разбегаются... Мальчики, мальчики и мальчики! О, сколько их здесь, в классе!

– Слушай, Раев, – говорит классный наставник Счастливицу, – у тебя невозможные волосы; завтра же изволь наголо обстричь эти вихры.

И он презрительно окидывает недовольным взглядом чудесные длинные, белокурые локоны Счастливика.

«Раев!», «Изволь завтра же!», «Вихры!»

Какие новые необычные слова для Киры!

Никто еще, никто в жизни не говорил с ним так холодно и строго!

Большие черные глаза Счастливика поднимаются изумленно на классного наставника, но он уже далеко, его нет в классе. Только из-за двери доносится его надтреснутый, раздражительный голос.

– Через десять минут молитва, – обращается он к мальчикам, – извольте одни стать в пары и идти в зал. Мне надо видеть инспектора.

В минуту Счастливец окружен тесным кольцом черных курток и любопытных лиц его новых приятелей.

– Вот так новичок! – звучит задорный голос над самым ухом Счастливика. – Ждали мальчика, а он, нате-ка, девочка!

– Не девчонка, а овца! Овца... Бэ-бэ-бэ-бэ!

– Просто лохмач какой-то!

– Овчарка!

– У моей сестры точно такая кукла! Нечесаная!

– Здравствуй, Перепетуя Акакиевна! Длинноволосая де-
вица!

Голоса звенели весело, выкрикивали звонко.

Кольцо мальчиков сжималось все теснее и теснее вокруг онемевшего, оторопевшего Счастливого. Изумленный, растерянный, но не испуганный нимало, Счастливчик только окидывал окружающих его мальчиков своими огромными черными глазенками, точно спрашивая, что им всем надо от него.

Мальчики не унимались. То здесь, то там слышались восклицания:

– Клоп какой-то!

– Лилипут! Карлик!

– Блоха!

– Козявка!

– Братцы, да это тот самый, что так смешно у Арифметики экзаменовался!

– Ей-ей, он самый!

И не успел он ничего ответить на их дерзости, как чьи-то руки крепко охватывают его около ушей, и Счастливчик в одну секунду поднимается в воздух.

Ему очень больно. Сильные руки мальчика схватывают

его так неприятно прямо за уши. И шее больно. Словом, положение далеко не из приятных.

– Вот тебе Москва! Вот тебе Москва, златоглавая Москва! – кричит Кире резко в самое лицо высокий мальчик.

– Оставь сейчас же новенького в покое! – раздается в тот же миг звонкий, сильный голос, и из-за спин товарищей выскакивает плечистый, рослый крепыш с румянцем во всю щеку и с широким, открытым лицом. – Слушай, Подгурин, если ты тронешь еще раз малыша, я тебе так залимоню!

И тут краснощекий порывисто схватывает за ухо высокого учителя Киры и, раскачивая его, приговаривает:

– Вот тебе, вот тебе, я тебе залимоню!

Слезы мгновенно застлали большие черные глаза Киры.

– За что? За что они мучают меня? – вихрем пронеслось в его головке, и ему нестерпимо захотелось домой, назад, к бабушке, Ляле, няне, туда, где все так любят, нежат и ласкают его, Киру.

Краснощекий Помидор Иванович заметил слезы.

– Пожалуйста, не реви, малыш, – произнес он дружески, хлопнув по плечу Киру и, повернувшись с живостью к товарищам, он поднял кулак, внушительно потряс им в воздухе и крикнул:

– Кто из вас посмеет тронуть малыша, тому я такой фонарь поставлю, что на всю гимназию светло станет! И это так же верно, как то, что зовут меня Иван Курнышов!

ГЛАВА X

Прозвучал звонок к молитве.

Появился старенький, седенький, подслеповатый воспитатель, которого вся гимназия поголовно звала Дедушкой, и повел мальчиков в залу на молитву.

Курнышов очутился в зале позади Счастливого и зашептал ему в затылок:

– Эй, ты, Лилипутик, ты не бойся наших ребят... Небось теперь не полезут!.. Кулаки у меня здоровенные, что твое железо. Заступлюсь так, что небу жарко станет. Только не плачь. Терпеть не могу ревунов и кисляев. Слыхал?

Счастливчик обернулся, взглянул на шептавшего мальчика и тут только заметил, что лицо его ему очень знакомо. Ну да, конечно, знакомо!..

– Вспомнил! Вспомнил! – поймал себя на мысли Счастливчик. – Это тот самый мальчик, который назвал меня в день экзаменов лохматой собачонкой.

И Кира внимательным взглядом оглядел нового друга, так неожиданно выступившего в качестве его защитника. Светлые, ясные глаза, вздернутый нос, весь в веснушках, наголо остриженная голова, румянец, алые, как мак, отдувающиеся от толщины щеки, широкие, сильные и крепкие плечи – вот что увидел Счастливчик позади себя.

Кира не знал, нужно ли ему ответить что-нибудь на во-

прос мальчика или нет, но в это время раздался голос старого воспитателя:

– Тише! – и все смолкли.

Около Киры с одной стороны стоял небольшой рыженький мальчик с постоянно подмигивающими подслеповатыми глазками, усердно чистивший себе пуговицы вместо того, чтобы креститься настоящим широким крестом.

– Как тебя зовут? – услышал Счастличик вопрос подслеповатого мальчика и не успел ответить, как тот добавил просящим шепотом:

– Если у тебя есть перья, марки, пузырьки, разные старые замки, тетрадки, ты, пожалуйста, мне их давай – я собираю.

– Гарцев! Попрошайка! Он всякую дрянь, как сорока, в свое гнездо тащит! – услышал с другой стороны Кира, живо обернулся и увидел красавца-мальчугана, синеглазого, темнокудрого, с белыми, сверкающими в добродушной улыбке зубами, с розовым личиком и пленительными ямками на щеках.

– Меня зовут Ивась Янко. Будем знакомы! – произнес, протягивая Кире маленькую, белую руку, красивый мальчик. – По прозвищу Хохол, потому что я родился в Ромнах, в Малороссии. Понял?

Счастличик мотнул головой вместо ответа и хотел было заговорить с синеглазым мальчиком, но неожиданно кончилась молитва, подошел воспитатель и повел мальчиков в класс.

ГЛАВА XI

На большой черной доске в классе было написано мелом: «Первый урок – арифметика, второй – закон божий, третий – пение, четвертый – география, пятый – русский». А внизу детскими каракулями значилось: «Шестой – китайский язык на японском наречии, а потом... от ворот поворот, марш по домам, приказал начальник сам».

Мальчики читали расписание уроков и, дойдя до шутки, смеялись.

– Это Янко! Непременно Янко! Он последний вышел из класса! – горячился Подгурин.

– Ну, ты, Верста, потише!.. Длинный, в потолок ушел, а такого простого правила не знаешь, чтобы не выдавать товарища, – грозно прикрикнул на него как из-под земли выросший Помидор Иванович.

– Мужик! Сапожник! У него отец сапожник! – презрительно крикнул Подгурин.

– Мой папа прежде всего честный рабочий человек, – горячо вырвалось из груди краснощекого Курнышова. – И я могу только гордиться таким отцом. – А чтобы ты много не разговаривал, так вот тебе!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.